

УДК 316.7; 364.016

DOI 10.52452/18115942_2023_1_124

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОГО АНАЛИЗА В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ)

© 2023 г.

А.А. Быков, А.А. Барышев, В.В. Кашпур, Р.А. Быков

Быков Александр Александрович, к.и.н.; доцент кафедры социальной работы
Томского государственного университета
aab56@sibmail.com

Барышев Алексей Андреевич, к.э.н.; старший преподаватель кафедры социологии
Томского государственного университета
barishevnp@mail.ru

Кашпур Виталий Викторович, к.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой социологии
Томского государственного университета
vitkashpur@mail.ru

Быков Роман Александрович, к.филос.н.; доцент кафедры социологии
Томского государственного университета
nimai.bykov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.04.2022

Статья принята к публикации 16.01.2023

Демонстрируются возможности социально-сетевого анализа в историко-социологическом исследовании на примере феномена благотворительности в России в период ее максимального развития в конце XIX века и в наше время. Актуальность данной проблемы обусловлена трендом цифровизации социальной жизни, который привел к появлению массовых практик сетевой благотворительности в Интернете. Возникновение внешне похожих на дореволюционные коммунитарные практики сетевых форм благотворительности актуализирует вопрос об их исторической укорененности. Понимание того, какие субъекты занимались благотворительной деятельностью в дореволюционный период и в наше время, является важным вкладом в изучение данного вопроса. В качестве источника выступают как научная литература, периодика и статистические данные о субъектах благотворительности, так и контент социальной сети «ВКонтакте». Методология исследования сочетает традиционные методы сравнительного исторического и документального анализа с современными методами анализа социальных сетей – анализом естественного языка с помощью алгоритмов автоматического анализа текстов и социально-сетевым анализом. В качестве основных результатов представлено описание типичных субъектов благотворительной деятельности в Российской империи XIX века на примере Томской губернии, описана специфика современной благотворительности, впервые проанализирован масштаб сетевой благотворительной деятельности в России. В заключении подведены основные итоги исследования, а также поставлен вопрос, определяющий дальнейшую перспективу исследований: насколько современные сетевые практики благотворительности похожи на традиционные коммунитарные практики, существовавшие в дореволюционной России, по своему смыслу и содержанию?

Ключевые слова: социально-сетевой анализ, историко-социологическое исследование, благотворительность, субъекты благотворительности, формы и характеристики благотворительности.

Введение

Благотворительность как социокультурный феномен существует со времен первых цивилизаций, в связи с этим всегда актуально дальнейшее продвижение в исследовании благотворительной деятельности. Во все времена эта тема была интересна для представителей преднауки и более поздних форм ее развития. Иногда она уходила в «непроявленное», например, в СССР по политическим соображениям. Много работ по теме благотворительной деятельности было написано в нашей стране во второй половине XIX века и в начале XX века. Тема была забыта до конца 1980-х гг. Феномен благо-

творительности в западных странах изучался непланомерно. Это вызвано постоянными трансформациями в экономических, социальных и политических процессах, например, последствиями развития технологий, ростом индивидуализации, секуляризации и позднее десекуляризации, трансформации традиционных систем в целом. Как феномен благотворительность связана с проявлением реальной заботы о людях, которые не способны по разным причинам позаботиться о себе.

Исследуемое явление в нашей стране претерпело много изменений, эволюционировало, проходило разные этапы. Возникшие еще во времена средневековой Руси коммунитарные

практики благотворительности к XIX веку дополнились институционально развитой системой благотворительных учреждений. Российская традиция благотворительности в советский период была прервана в результате монополизации государством функции социальной защиты и призрения. Практики непосредственной человеческой заботы о нуждающихся и «терпящих страдания» выпали из общественно-политического дискурса. Такие институты благотворительности, как донорское движение, Фонд Мира, Красный Крест, переводили проявления такой заботы в принудительно-обязательный порядок. В современной России благотворительность тоже во многом стала сателлитом государственной социально-экономической политики. Корпоративные формы профессиональной благотворительности, их успехи и перспективы формируют основное содержание дискурса благотворительности. В то же время низовые формы инициативной благотворительности граждан по большей части замалчиваются в официальном информационном пространстве. Однако по мере развития цифровых технологий они быстро трансформируются из локально ограниченных форм проявления милосердия и коммунитарной взаимовыручки в масштабные, но институционально не отслеживаемые формы благотворительности на основе социальных сетей в Интернете. Возникновение внешне похожих на традиционные коммунитарные практики сетевых форм благотворительности актуализирует вопрос об их исторической обусловленности и возможностях их изучения с использованием цифровых методов исследования социальных феноменов.

Таким образом, цель представленной статьи – сравнительный анализ характеристик благотворительной деятельности и ее субъектов с использованием возможностей социально-сетевого анализа.

Российская благотворительность в XIX веке

Благотворительность (ее социально-инновационная роль) возникла в тот самый момент, когда появились цивилизации, где уже труд был разделен между разными членами общества и формировались более сложные формы социального развития общества. Беднота привлекала к себе огромное внимание власти, и оно по мере «взросления» цивилизации усиливалось. Уже в античные времена формируется понимание, ориентированное на поддержку бедных слоев общества, пожилых, инвалидов, сирот. Уже тогда происходило конституирование разных

форм благотворительности, ставших позднее христианскими.

В России по-другому развивалась поддержка незащищенных слоев населения, несмотря на наличие такого же христианского контекста. Наиболее серьезные трансформации все-таки были во второй половине XIX в. благодаря прошедшим реформам общества. Реальные изменения социальной структуры привели к росту «потерянных» людей, современным языком – с размытой идентичностью, бедноты, нуждающихся в поддержке. Появляются активные субъекты, готовые проявлять заботу.

Анализом благотворительности в XIX в. занимались серьезно В. Максимов, А. Левенстим, А. Раевский [1–3]. Становится очевидным, что в конце XIX в. понимание «благотворительности» в научных работах и в сознании самих субъектов благотворительности, как западных, так и российских, очень похоже по своим принципам, подходам, понятиям. Впоследствии благотворительная деятельность, а также первый опыт ее осмысления фундировали разные социальные науки и в первую очередь практики социальной работы.

Авторы начала XX века выделяют следующие виды оказания помощи нуждающимся категориям населения: призрение слепых, глухонемых, помощь лицам, нуждающимся в нравственной поддержке, надзор над преступниками, беспризорными детьми и подростками, общества помощи и защиты женщин, богадельни и дома призрения, помощь иностранцам, трудовая поддержка, финансовая помощь, удовлетворение жилищной нужды, раздача пищи.

Следует особо выделить виды помощи, касающиеся детей: воспитательные и сиротские дома, приюты для малолетних, ясли, детские лечебные и дачные колонии. Для борьбы с детской смертностью проводились акции «капля молока». Как и сейчас, пытались организовать заботу о детях, подвергшихся жестокому обращению [4].

На начало 1899 г. частных благотворительных обществ и организаций было 14854 [5]. В Сибирском регионе как части Российской империи тоже развивалась благотворительность, но в иных условиях. Сибирь как зона фронта обладала богатейшими природными ресурсами, в том числе земельными, и в отличие от Европейской России практически не знала крепостного права, и поэтому отсутствовали земства.

В отсутствие землевладельческой аристократии основными субъектами благих дел были купцы и золотопромышленники, все те, кто владел крупными предприятиями. Это были личности, которые «создали себя», несмотря на

существующую в то время неграмотность (особенно «первая волна купцов»). Конечно же закономерен их интерес к повышению грамотности населения, развитию разного уровня курсов, гимназий и высшего образования.

Сибирских купцов XIX в. действительно можно назвать креативным классом того времени, которые изменили культуру многих городов Сибири. Согласно статистическим данным, лидером среди сибирских губерний в области благотворительности было Томская губерния [5].

В Томской губернии действовало наибольшее количество благотворительных объединений в Сибири (около 106). В дореволюционном Омске действовало более 59, а в Тобольске — не менее 55 организаций, которые декларировали своей наиболее важной целью благотворительность [6].

В Томской губернии при активном участии купечества происходит усиление благотворительности в сфере образования. Была создана сложная дифференцированная система поддержки практически всех возрастных групп учащихся. Рост количества образованных людей, конечно, оказал положительное влияние на развитие региональной социально-экономической системы.

Инновации в любой сфере жизни всегда были признаком развития социальной системы. В Российской империи, в частности в Сибири, в социальной сфере во второй половине XIX в. генерировался интересный социальный опыт, в наше время практически утерянный. Досадно, что «забытое старое» возвращается в Россию в наше время в виде заимствованных западных инноваций.

В зоне фронта Российской империи на рубеже XIX — начала XX в. происходили креативные процессы в социальной сфере. Благотворители, которые несли основной груз финансирования социальной поддержки незащищенных слоев населения, использовали инновационные формы работы с этим контингентом. В ту эпоху в России впервые были использованы дифференцированный подход к различным слоям населения, принцип адресности и индивидуального консультирования.

Специфика современной благотворительности в России

Тысячелетняя традиция благотворения и религиозность населения, покровительство церкви и государства сформировали фундамент благотворительности дореволюционной России, разрушенный в советское время. Советская власть уничтожила царскую систему благотворительности уже в 1918 г. Вместо нее создана этатист-

ская система социального обеспечения. Само понятие «благотворительность» было репрессировано как классово чуждое и опасное для советского общества. Бывшие благотворители — купцы, предприниматели, дворяне и их семьи — оказались «врагами народа» и «лишенцами», то есть без гражданских прав и социальной поддержки. В этот период произошло тотальное огосударствление институциональных форм социальной заботы и призрения. В результате процессов коллективизации и урбанизации советского общества разрушались традиционные коммунитарные практики взаимопомощи и призрения.

Ситуация с благотворительностью начала меняться в перестроечное время. Заявляется формирование нескольких фондов, например Фонд милосердия и здоровья, Фонд культуры.

Формы организованной благотворительности, в том числе частной, начали возрождаться после распада СССР. Наиболее активными меценатами в постсоветское время стали зарубежные фонды и грантодатели. Сюда следует отнести WWF, Фонд Форда, Фонд Макаруров, британский благотворительный фонд Charities Aid Foundation.

В начале 90-х параллельно стали создаваться российские благотворительные фонды, в том числе «Виктория», Фонд культурных инициатив, Дмитрия Зимина «Династия». Спектр направлений был достаточно широк и касался помощи детским домам, больницам, ученым, семьям погибших в военных действиях.

Последние десятилетия происходило формирование различных формальных и неформальных объединений, фондов, организаций. Сегодня наиболее известно в России партнерство грантодающих организаций «Форум доноров».

В современной России происходит постоянный рост благотворительной деятельности. Согласно исследованию индивидуальных пожертвований в России фонда «КАФ», в 2017 г. 53% россиян совершали пожертвования в течение года [7].

Ярким примером популяризации благотворительности служит акция «Щедрый Вторник», впервые проведенная в России в 2016 г. Цель мероприятия — показать, как каждый относится и действует в сфере благотворительности. В 2017 г. был проведен второй «Щедрый Вторник». В нем приняли участие 1800 партнеров, проведено 2000 мероприятий в 200 городах России. Это мероприятие увеличило интерес СМИ к теме благотворительности. Частные сборы небольших объединений учитывать крайне сложно, но институционально оформленных объединений, занимающихся благотворительностью, в России более тысячи. Число

фондов местных сообществ также постоянно растет [7].

Происходит формирование новой формы благотворительности, возникающей на стыке с социальным предпринимательством, когда нацеленность на решение долгосрочных задач осуществляется в тех направлениях, где интересы общества и бизнеса совпадают. Венчурная филантропия, или филантрокапитализм, – явление весьма новое как в мировой, так и в российской практике. Данный подход к благотворительности исходит из того, что даже в специфичной социальной сфере можно применять экономические методы. Наиболее важными принципами соответственно являются: ориентация на продолжительный срок поддержки, вовлеченность благотворителя, нацеленность на результат, партнерство. В результате в России стали действовать благотворительные фонды, занимающиеся импакт-инвестированием с привлечением крупного капитала: Phoenix Advisors, «Рыбаков Фонд».

Современная ситуация в сфере благотворительной деятельности связана с развитием сетевых сообществ [8]. Формируются электронные благотворительные боксы, и любой человек может поместить его в сети, блогах, корпоративном или частном сайте. Это помогает отслеживать сбор средств. Приложения для онлайн-переводов средств, электронные кошельки – благодаря всему этому возможно оказание реальной помощи. Есть краудфандинговые платформы (например, Planeta.ru), где осуществляется коллективный сбор ресурсов для какой-то специфичной сложной ситуации. Такие платформы создаются для тех, кто не имеет подобного ресурса, а создание своей невозможно, так как время на сборы может быть объективно ограничено. Компания «Яндекс» создала программы для социальных сетей Facebook и «ВКонтакте».

В настоящее время существует огромный пласт благотворительной активности, подобно традиционным коммунитарным практикам в дореволюционной России в ситуации «beyond the institution», при которой она не видна и не описана в государственной бюрократической реальности.

Авторами была предпринята попытка анализа интенсивности сетевой благотворительной активности. Релевантной методологией для анализа феномена благотворительности в социальных сетях («ВКонтакте») является Social network analysis (SNA). Это инструмент, благодаря которому возможно изучение взаимодействия между акторами, исследование распространения потоков информации. Что касается

данной темы – это изучение структуры взаимодействия субъектов благотворительности.

Изначально в целях исследования нам необходимо было идентифицировать и описать субъектов благотворительности. Особенность феномена состоит в том, что в сети проявляются не только различные организации, но индивидуальные субъекты тоже проявляют инициативу. В связи с этим необходимо было найти не просто фонды, а отдельных лиц, следовательно, воспользоваться стандартным поиском сообществ методом снежного кома недостаточно. Для решения задачи самоопределения субъектов благотворительности был создан набор лингвистических маркеров. В основу языкового набора положены различные проявления благотворительного акта (как призывы о помощи, так и намерения), а также наименования специфических видов помощи (например, паллиативная помощь, кризисное помещение).

Затем маркеры использовались для автоматического поиска сообщений субъектов благотворительности в сети «ВКонтакте». Тестирование словаря проводилось в период с 2 по 9 мая 2020 года, в результате пилотажа было найдено 75 437 пользовательских сообщений, в структуре которых 43% носили оригинальный характер, ещё 57% – дубли (репосты, копии сообщений). Стоит отметить значительное содержание так называемого информационного «мусора».

Для очистки данных была применена лингвистическая обработка и классификация сообщений в несколько этапов.

1. Предобработка текста. Целью является приведение его в общий вид, убрав лишние номера, адреса и тем самым сократив его объем. Для этого был применен синтаксический анализ текста регулярными выражениями: убраны теги $\langle \rangle$, $\langle / \rangle$, заменены ссылки на профили и клубы на названия людей и этих клубов, затем заменены номера кредиток, телефонов, электронных адресов и сайты на плейсхолдеры (типа %card%, %phone%), затем были убраны знаки препинания и непечатные символы. С целью приведения текстов в общий вид все словоформы в сообщениях были преобразованы в леммы (словарные формы слов).

2. Полученные леммы были преобразованы в векторы с использованием техники TF-IDF (TF – term frequency, IDF – inverse document frequency), на тестовых данных натренирована модель – лучше всего себя показала логистическая регрессия с параметрами для мультиклассовой классификации.

Данные были разделены на три подгруппы: «мусор», акт благотворительности, призыв к распространению сообщения и информацион-

ное освещение акта. Итоговый датасет был представлен базой авторов. Было идентифицировано 13797 пользователей и 6678 сообществ, которые, так или иначе, совершали акт онлайн-благотворительности.

В качестве данных использовались дружественные контакты в «ВКонтакте» ('friendly links') их участников, а также сведения о месте проживания, поле и возрасте из личных профилей участников групп, полученные при помощи API «ВКонтакте».

Изучение меж- и внутригрупповых связей проводилось по следующим метрикам социально-сетевому анализу (SNA): размер, плотность сети, средняя длина пути, средняя степень, средний коэффициент кластеризации. Визуализация и расчет метрик полученных результатов SNA проводились при помощи свободного программного обеспечения Gephi.

В результате анализа тестовых данных нами была построена сеть из 13 805 индивидуальных субъектов благотворительности, которые связаны между собой посредством 11 263 связей. Напомним, что в качестве показателя взаимодействия использовались дружественные связи в «ВКонтакте» (friendly links) субъектов.

Плотность получившегося графа составляет около 0.00018, то есть меньше 1%. Это позволяет говорить о высокой разреженности сети, иными словами, участники практически не взаимодействуют друг с другом (об этом говорит и средняя степень в сети – 1.6 – на каждого субъекта приходится от 1 до 2 друзей), и при распространении информации об акте благотворительности она не будет распространена по всей сети. В целом структуру сети взаимодействия субъектов благотворительности можно охарактеризовать как «ядро – периферия», при этом мы можем наблюдать три уровня связи: 1 – ядро – плотно взаимодействующие субъекты; 2 – периферия – субъекты взаимосвязаны между собой, но не с ядром, 3 – изолянты – «нерегулярные» участники, которые могли просто случайно быть вовлечены в акт распространения информации.

В региональном разрезе значительная доля субъектов благотворительности приходится на Санкт-Петербург и Москву. При этом стоит отметить отсутствие четко выраженного регионального ядра в сети, но есть высокий уровень взаимодействия между регионами. Центральные регионы характеризуются «распыленностью» участников по разным кластерам и низким взаимодействием внутри географического пространства, а относительно плотные кластеры можно отметить в Башкортостане, Свердловской, Ярославской и Ульяновской областях.

Таким образом, благотворительная деятельность не всегда сосредоточивается внутри одного региона, а зачастую сетевым образом распределена по разным субъектам Российской Федерации.

По результатам предварительного анализа сети субъектов благотворительности можно сделать следующие выводы. Во-первых, для сферы благотворительности характерна низкая плотность взаимодействия между участниками: сеть разрежена, информация не распространяется полностью по сети. Несмотря на частое взаимодействие между участниками, для них характерна склонность к разделению. Во-вторых, в сети субъектов благотворительности выражено отсутствие региональной «закрытости» кластеров – нет ярко выраженного ядра, имеет место сетевая «распыленность» участников из разных регионов.

Заключение

Целью данной статьи был сравнительный анализ характеристик благотворительной деятельности и ее субъектов с использованием возможностей социально-сетевому анализу.

В нашем случае субъектов и характеристики благотворительности в XIX веке можно изучать путем анализа статистических данных, законодательных актов, публикаций в прессе и архивов соответствующего периода. Эти источники дают информацию о сформировавшихся к концу XIX века институциональных формах благотворительности, существовавшей в виде как государственных, так и частных благотворительных организаций. На наш взгляд, дореволюционная система благотворительности характеризовалась следующими сильными параметрами: широта распространения благотворительных учреждений, они создавались даже в уездных городах и селах, наличие объемной, досконально проработанной статистики отражало реальное состояние дел в империи [4]. Сегодня в России таких аналогов статистической информации нет. Отсутствуют и периодические издания по данной проблематике, подобные «Вестнику благотворительности», «Трудовой помощи» (они издавались во второй половине XIX в. – нач. XX в. при Ведомстве учреждений императрицы Марии), в которых было много статей по тематике благотворительности, статистики, описывался передовой западный опыт, присутствовала серьезная аналитика, а также использовался глобальный подход к изучению вопроса, что отражалось в отчетах данных изданий [9]. Анализ публичной информации демонстрирует, что интенсивность благотвори-

тельной активности была значительно выше в сегменте частных благотворительных организаций, основателями которых были землевладельческая аристократия, купцы, золотопромышленники, собственники крупных предприятий. В то же время крайне сложно оценить масштабы коммунитарного милосердия и взаимопомощи в тот исторический период, поскольку такой тип благотворительности был основан исключительно на неформальных традиционных практиках, фиксация которых не происходила документально.

В современной России благотворительность возрождается в качестве инструмента социально-экономической политики. Корпоративные формы профессиональной благотворительности, их успехи и перспективы формируют основное содержание дискурса благотворительности. В то же время низовые формы инициативной благотворительности граждан по большей части замалчиваются в официальном информационном пространстве. Однако по мере развития цифровых технологий они быстро трансформируются из локально ограниченных в проявления милосердия и коммунитарной взаимовыручки в масштабные формы благотворительности на основе социальных сетей в Интернете. Оба процесса – создание и распространение форм институциональной благотворительности и развитие сетевых практик благотворительности – характеризуются быстрыми темпами роста. Причем если во втором случае эти темпы соответствуют естественным темпам формирования новой реальности, порождаемой информационно-компьютерными технологиями, то в первом – происходит ускоренное заимствование наиболее развитых форм (филантрокапитализм, импакт-инвестирование), которые мировая практика нарабатывала долгое время.

Как и в дореволюционную эпоху, изучение институциональных форм благотворительности возможно путем анализа таких документальных источников, как статистические данные, публикации в СМИ, законодательные акты, публичные отчеты о деятельности благотворительных организаций. Однако принципиально иные возможности для анализа дает новая сетевая форма существования благотворительных практик. Оставляя свой «цифровой след», они становятся видимыми для стороннего наблюдателя. Появляется возможность анализа интенсивности не только институциональных, но и коммунитар-

ных практик благотворительности, реализуемых в социальных сетях. Данная фиксация порождает перспективу дальнейших исследований сетевых форм благотворительности и формулирует новый исследовательский вопрос: насколько современные сетевые практики благотворительности похожи на традиционные коммунитарные практики, существовавшие в дореволюционной России, по своему смыслу и содержанию?

Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ «Приоритет-2030».

Список литературы

1. Максимов В.Е. Очерки по истории общественных работ в России. СПб: Типо-литограф. Р.С. Вольпина. 1905. III, 259 с.
2. Левенстим А. Жгучие вопросы из практики защиты детей // Вестник Права. СПб., 1901. № 8. С. 77–96.
3. Раевский А.А. Трудовая помощь как задача государственного управления. Харьков: Печатник, 1910. 54 с.
4. Общественное и частное призрение в России: Сб. ст. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1907. 296 с.
5. Благотворительные учреждения Российской империи / Сост. по Высочайшему повелению Собственною Его Императорского Величества Канцелярию по учреждениям императрицы Марии [чинами канцелярии Постниковым Н.С. и др.; под ред. тайного советника А.А. Толубьева]. СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. Разд. паг. [8] л.
6. Дегальцева Е.А. Общественная благотворительность Западной Сибири в XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/degaltsevacharity> (дата обращения: 25.06.2018).
7. Хартнелл К. Благотворительность в России [Электронный ресурс] / Фонд поддержки и развития филантропии «КАФ». 2018. URL: <https://docplayer.com/73375294-Blagotvoritelnost-v-rossii.html> (дата обращения: 05.06.2018).
8. Белянцев А.Е., Лымар А.В. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 284–288.
9. Вестник благотворительности: журнал, посвященный всем вопросам, относящимся до благотворительности и общественного призрения: орган Ведомства детских приютов / Ведомство учреждений императрицы Марии; под редакцией Е.С. Шумигорского. СПб.: Центральное управление детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии, 1900. № 1. 114 с.

**POSSIBILITIES OF SOCIO-NETWORK ANALYSIS
IN HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH
(ON THE EXAMPLE OF THE PHENOMENON OF CHARITY)**

A.A. Bykov, A.A. Baryshev, V.V. Kashpur, R.A. Bykov

National Research Tomsk State University

The possibilities of socio-network analysis in historical and sociological research on the example of the phenomenon of charity in Russia in the period of its maximum development at the end of the 19th century and nowadays are demonstrated. The relevance of this problem is due to the trend of digitalization of social life, which has led to the emergence of mass practices of online charity on the Internet. Appearance of the network forms of charity similar to the pre-revolutionary communitarian practices actualizes the question of their historical roots. Understanding which actors were engaged in charitable activities in the pre-revolutionary period and in our time is an important contribution to the study of this issue. The sources are both scientific literature, periodicals and statistical data on the subjects of charity, and the content of the social network "VKontakte". The research methodology combines traditional methods of comparative historical and documentary analysis with modern methods of social network analysis - analysis of natural language with the help of algorithms of automatic text analysis and social network analysis. The main results include the description of typical subjects of charitable activities in the Russian Empire in the 19th century by the example of Tomsk Province, the description of the specifics of modern charity, and the analysis of the scale of network charitable activities in Russia for the first time. The conclusion summarizes the main results of the research and poses the question that determines the further research perspective - how much the modern network practices of charity are similar to the traditional communitarian practices that existed in pre-revolutionary Russia in their meaning and content?

Keywords: social network analysis, historical and sociological research, charity, subjects of charity, forms and characteristics of charity.